

ВОЙНА

Цѣна отд. № 20 коп.
На ст. жел. д. 25 коп.

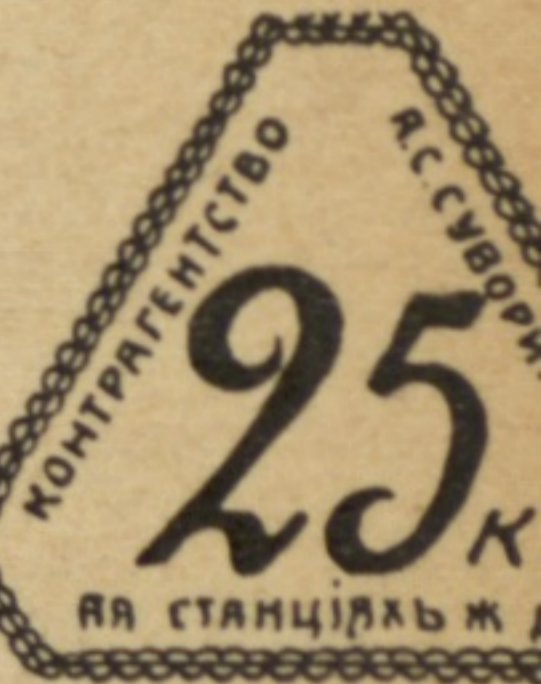
НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 22

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
26 МАЯ

Рис. Ре-ми.

ОГРОМНАЯ СИЛА ПЕЧАТИ.

Сотрудникъ „Ахтырскаго Листка“ (пишетъ): — Наконецъ-то Голландія вняла тѣмъ нашимъ доводамъ, которые мы приводили въ воскресномъ номерѣ нашей газеты...

КАКЪ ПОНИМАЕТЪ МАЛЕНЬКІЙ ПЕТЯ ФРАЗЫ ВЗРОСЛЫХЪ.

„Русскія войска заняли Тигръ“.

ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ.

1.

Какъ земнымъ дыханьемъ, садъ наполненъ шумомъ,
 Золотыя пчелы пряжу въ немъ прядутъ,
 Сколько солнца въ сердцѣ! Сколько воли думамъ!..
 Воздухъ синій... синій... Яблони цвѣтутъ...
 Пчельникъ, съ рядомъ ульевъ... Ветхая сторожка...
 Каждый шорохъ листьевъ сторожить Весна...
 Средь травы зеленой топкая дорожка
 Съ дѣтскими слѣдами лишь одна видна...
 Все томится тайной близкою и новой...
 Рядомъ, за набухшимъ, старенькимъ плетнемъ,
 Женщина съ ребенкомъ, въ кофточкѣ лиловой,
 Ходить, напѣвая, въ садикъ своемъ.
 Мужъ давно въ солдатахъ... За него лампадка
 Теплится, молитвы тихія тая...
 Ходить и качаетъ первенца солдатка,
 Но не скорбь, а вѣра, въ пѣсенкѣ ея...
 Пѣсенка простая, какъ весна на нивахъ,
 Какъ души крестьянской радость и печаль —
 «О возвратѣ къ милой, и о дняхъ счастливыхъ,
 О Господнѣ волѣ, объ уходѣ въ даль»...
 Нѣтъ ни слезъ, ни жалобъ о годинѣ трудной
 Въ каждомъ словѣ солнце, въ каждой мысли ширь!..
 И растеть, и крѣпнетъ съ этой лѣсной чудной
 Полю новый пахарь, новый богатырь...
 Въ счастья смиренный, въ горѣ терпѣливый,
 Онъ не позабудетъ славный отчий трудъ...
 Вечерѣтъ... синій дымъ поползъ надъ нивой,
 Но въ саду все бѣло... Яблони цвѣтутъ...

2.

Встревоженъ городъ тайной новыхъ сновъ...
 Пришла Весна, неся иные гимны,
 И стали вдругъ сердца гостеприимны
 Для солнца грезъ и теплыхъ добрыхъ словъ...
 На пригородъ скворцовъ путь держать стаи —
 Тамъ есть въ саду тѣнистомъ лазаретъ,
 Къ нему подходятъ бѣлые трамваи,
 Они свѣтлы, какъ яблонь первый цвѣтъ...
 Цвѣты и тѣ избранники отчизны,
 Что отдають ей молодость свою,
 Какъ небеса родины съ землей въ часъ тризны,
 Родные, здѣсь — они въ одномъ раю...
 У дѣвушки, съ улыбкою стыдливой,
 Букетикъ ландышей... Они вернули вновь
 Ея отцвѣтшую, солгавшую любовь,
 Она уснетъ спокойной и счастливой...
 Завянутъ ландыши, но развѣ, хоть на мигъ
 Въ ихъ лепесткахъ заблещетъ сожалѣнье,
 Нѣтъ... Кто пойметъ волшебный ихъ языкъ,
 Услышитъ лишь слова...
 У добрыхъ, и у злыхъ сердца свѣтлѣй живутъ,
 Когда вокругъ Весна и яблони цвѣтутъ.

Сергій Михѣевъ.

КОНКУРСЪ.

Въ американскомъ городѣ Лосъ-Анжелосъ (такія вещи всегда случаются почему-то въ Лосъ-Анжелосъ) академія научныхъ знаній объявила конкурсъ на лучшее сочиненіе по вопросу «Жизнь слоновъ».

Этимъ вопросомъ занялись слѣдующіе ученые: англичанинъ, французъ, русскій, нѣмецъ и еврей.

Первымъ прислалъ свой трудъ самый аккуратный — нѣмецъ. Трудъ его представлялъ собой восемь объемистыхъ томовъ, подъ заглавіемъ: «Предисловіе къ введенію въ трактатъ о толстокожихъ, какъ таковыхъ».

Вторымъ — представилъ свой трудъ англичанинъ. Это былъ небольшой томикъ съ чертежами, подъ заглавіемъ: «Грузоподъемность хобота слона и утилитаризація этой грузоподъемности».

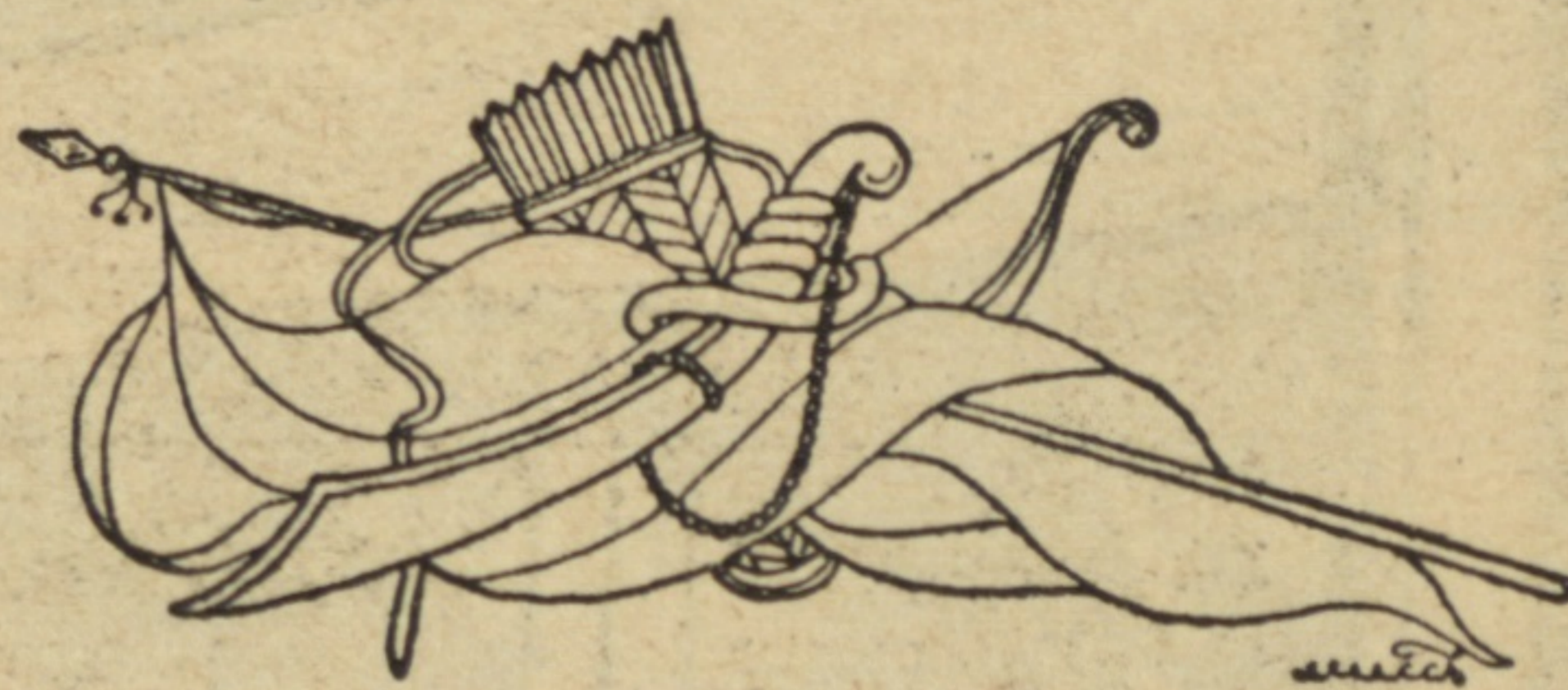
Третьимъ — прислалъ сочиненіе о слонахъ французъ. Всего — четыре остроумно написанныхъ странички: «Любовь у слоновъ. Слонъ въ анекдотѣ».

Русскій прислалъ сообщеніе, что онъ ничего не написалъ о слонахъ, такъ какъ не успѣлъ. У него болѣла голова и, кромѣ того, мѣшали гости...

* * *

Послѣднимъ прислалъ свое двухтомное сочиненіе еврей. Сочиненіе было озаглавлено: «Слоны и еврейскій вопросъ».

Медуза-Горгона.

РУССКОЕ.

1-й чиновник: — Говорят, у нас скоро, по примѣру заграницы, переставятъ время на 1 часъ... Какъ это дѣлается?

2-й чиновникъ: — Очень просто: вмѣсто 12 будемъ приходить въ часъ и вмѣсто 3-хъ будемъ уходить въ 2. Вотъ оно часъ и выходитъ.

ВЪ ЛАБИРИНТЪ МЫСЛИ.

Въ часы, когда жизнь тяжело нести,
 Когда сомнѣнья тучею нависли,
 Иди скитаться въ лабиринты мысли,
 Мѣста святыя посѣти.
 Ты проходи нѣмые корридоры
 Страницъ забытыхъ. Тайна вѣщихъ словъ
 Надъ чловѣчествомъ тамъ ставить приговоры.
 Тамъ солнце истины во тѣмѣ противорѣчій
 Встаеъ торжественно, и осіянный день
 Сверкаетъ и горитъ, пока ночная тѣнь

Не будетъ вновь другому дню предтечей.
 Тамъ гениальный бредъ былъ истиной столѣтъя,
 Тамъ за слова всходили на костерь,
 Тамъ свѣту тьма вѣщала приговоръ,
 Смѣняя счастья мигъ годами лихолѣтъя!

И я пошелъ. Но тамъ, въ тѣмѣ длинныхъ корридоровъ,
 Я увидалъ людей, уставшихъ здѣсь блуждать!
 И я прочелъ, съ тоской прочелъ въ ихъ взорахъ, —
 — Кто истину здѣсь можетъ отыскать?!

МЫСЛИ ВЪ БЕЗСОННУЮ НОЧЬ.

Бракъ имѣеть прекрасную сторону: разводъ.

Иностранные языки иногда служатъ для сокрытія нашихъ мыслей... отъ иностранцевъ.

Никто не можетъ отговариваться незнаніемъ законовъ природы.

«Самовольное прибытіе въ столицу» не есть результатъ воспитанія воли.

Изобрѣтатели средневѣковыхъ пытокъ были бы счастливы, если бѣ догадались изобрѣсти телефонъ.

Исидоръ Гуревичъ.

Вышла въ свѣтъ

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“

обработанная сатириконцами: Арк. Аверченко, Осипомъ Дымовымъ и Тэффи.

Съ иллюстраціями: Ре-ми, А. Радакова, А. Яковлевымъ и А. Юнгеромъ.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу пятый томъ пьесъ

Аркадія Аверченко.

„БЕЗЪ СУФЛЕРА“

Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „Похорошему“ и др.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Коллеги.

У знаменитого убийцы семьи Арцимовичъ въ Луганскѣ — Полуляхова — могутъ теперь пробудиться неясныя надежды: непожалуетъ ли и ему германское правительство орденъ Pour le mérite.

Потому что — къ этому идетъ:

Официальный „Reichsanzeiger“ сообщаетъ, что лейтенантъ Будеке, сейчасъ находящійся на службѣ въ турецкомъ флотѣ, награжденъ орденомъ „Pour le mérite“. Награждение лейтенанта Будеке находится въ непосредственной связи съ потопленіемъ „Португаліи“, такъ какъ онъ командовалъ одной изъ турецкихъ подводныхъ лодокъ.

Въ Германіи стали путать человѣка съ орденомъ: надо вѣшать человѣка, а вѣшаютъ орденъ.

Овесъ изъ жуковъ.

Говорятъ, что у экономной хозяйки ничего не пропадаетъ: она можетъ сварить супъ-разсолъникъ изъ старыхъ зубныхъ щетокъ...

Австрийское министерство земледѣлія предлагаетъ населенію усиленно собирать майскихъ жуковъ, которые содержатъ значительный процентъ жировыхъ веществъ и бѣлковъ и поэтому могутъ явиться прекраснымъ кормомъ для скота.

Слѣдующіе этапы майскаго жука: тараканъ, клопъ и блоха.

Мельчаетъ сельское хозяйство.

Кроткій поджогъ зданія.

Изъ Бухареста сообщаютъ:

Во время послѣдняго выступленія Либкнехта въ рейхстагѣ, огромная толпа народа подошла къ зданію рейхстага съ цѣлю пробраться внутрь помѣщенія для устройства мирной манифестаціи. Ораторы манифестаціи имѣли намѣреніе поджечь зданіе рейхстага.

Если бухарестскій корреспондентъ считаетъ поджогъ зданія рейхстага „мирной манифестаціей“, то пулеметный огонь, которымъ разогнали манифестантовъ, онъ долженъ считать теплымъ весеннимъ дождикомъ.

Въ Германіи не хватаетъ веревокъ.

Веревка — вервѣ простое. Но это тогда, когда есть пакля. А безъ пакли — веревка — вервѣ сложное:

Въ Германіи кризисъ не только хлопка, но и пакли; теперь въ продажѣ появились, по словамъ „Тагъ“, искусственныя веревки и бичевки, сдѣланныя изъ бумаги.

Но въ Германіи скоро и бумаги совсѣмъ не будетъ. Изъ чего же тогда дѣлать веревки?

Скоро создастся совсѣмъ безвыходное положеніе: и жить плохо и повѣситься не на чемъ...

Свинячье житье.

Германскій союзный совѣтъ постановилъ съ 15-го мая ввести картофельныя карточки для свиней. Суточные раціоны картофеля опредѣлены въ количествѣ двухъ фунтовъ на каждую свинью.

Два фунта въ день! Этакъ каждый нѣмецъ будетъ желать, чтобы съ нимъ поступали по-свински.

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

Газеты сообщаютъ: возникъ проектъ обмѣна артистами московскаго Малаго театра и петроградскаго — Александринскаго.

Кромѣ того существуетъ другой проектъ: обмѣниваться директорами театровъ съ Уругваемъ.

Запрошенные по этому поводу уругвайцы отвѣтили:

— Да у насъ нѣтъ своего директора. Чѣмъ же мы будемъ обмѣниваться?

— Ну, берите нашего, вообще, безъ мѣны, — предложили великодушные петроградцы.

Хитрые уругвайцы отказались.

Стиль редактора „Обозрѣнія Театровъ“, Осипова-Абельсона отличается своеобразной красотой:

Иванъ Петровичъ Артемьевъ, тѣло котораго мы сегодня будемъ хоронить, былъ ультра-театральный человѣкъ и всю свою жизнь только и дѣлалъ, что обслуживалъ то ту, то другую вѣтку развѣсистаго театрального дерева.

Теперь на этой вѣткѣ развѣсистаго театрального дерева усѣлся г. Абельсонъ. И чирикаетъ онъ, главнымъ образомъ, не о покойномъ, а о своемъ „Обозрѣніи Театровъ“.

Въ числѣ его театральныхъ идей-затѣй была идея созданія въ Петроградѣ ежедневной театральной газеты съ программой и либретто всѣхъ театровъ, и благодаря покойному И. П., вы держите сейчасъ въ рукахъ такую газету. Дѣйствительно! Какое острое удовольствіе — держать въ рукахъ „такую газету“...

Во время послѣдней моей встрѣчи съ И. П. (не считая мое (?) посѣщеніе его въ лѣчебницѣ) мы говорили объ исполняющемся будущей осенью десятилѣтніи „Обозрѣнія Театровъ“. Онъ радовался „маститостью“ (?) своего дѣтища и давалъ разные совѣты насчетъ выпуска „юбилейнаго номера“. Увы, этого номера бѣдный Иванъ Петровичъ уже не увидитъ.

Это, конечно, большая трагедія, но при чемъ во всемъ этомъ: „Памяти И. П. Артемьева“?

Бѣдное „развѣсистое театральное дерево“. Кто только нынче не взбирается по его корявому стволу и кто не вырѣзываетъ на немъ своихъ инициаловъ...

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Ночь похожа на клоуна въ бѣломъ,
Съ бѣлымъ усталымъ лицомъ,
Густо намазаннымъ мѣломъ,
Въ колпакѣ со звѣзднымъ концомъ.
Онъ матово звенитъ бубенцами
И нарочно скалитъ ротъ.
Къ островамъ летитъ надъ торцами
Больной красавецъ — уродъ.
И летитъ, и буйно пляшетъ,
И, цѣлуя, бѣлитъ Неву,
И рукой напудренной машетъ,
И сыплетъ пудру въ траву.
И розовой дѣвушки тѣло
На аломъ плюшѣ ковра
Отъ ласки его побѣлѣло
И будетъ такимъ до утра.

Лидія Лѣсная.

Рис. Миссъ.

ВЕЙНИНГЕРЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

— Этотъ молодой человѣкъ сказалъ, что у него много „М“... Что это значить?
— Ну, какже! У его отца два мучныхъ склада... Просто собирается сдѣлать тебѣ предложеніе...

ДУРА.

Маленькій фельетонъ

Раскусить — умна ли женщина, или нѣтъ — труднѣе, чѣмъ кажется на первый взглядъ...

Дѣло въ томъ, что обычные житейскіе разговоры женщина ведетъ, какъ всякій человѣкъ: «Холодно нынче...». — «Да, ужасъ, какъ холодно». — «Вамъ два кусочка сахара?» — «Нѣтъ, три!» — «Понравилась вамъ пьеса?» — «Не особенно. Скучновата». — «Вы сегодня особенно интересны, Марья Николаевна». — О, о! Что это? Complimentъ! Съ какихъ это поръ вы стали говорить комплименты?..» — «Поцѣлуйте меня, Маруся...» — «Это еще съ какой радости». — «Представьте себѣ, напримѣръ, что вашъ мужъ измѣняетъ вамъ...» — «Ну, да — вы скажете тоже!»

Такую бесѣду можно вести съ любой женщиной цѣлый часъ и, въ концѣ концовъ, остаться въ полной неизвѣстности: умна эта женщина или цинично глупа?..

* * *

Я былъ знакомъ съ Марьей Николаевной уже второй мѣсяцъ, часто разговаривалъ съ ней и, все-таки, вопросъ: умна она или глупа? — былъ для меня самой настоящей загадкой.

Недавно мы встрѣтились:

— А, здравствуйте. Что это васъ не видно?

— Былъ занятъ.

— Знаемъ мы эти занятія. Новое увлеченіе, вѣроятно?

— Что вы! Развѣ я такой?

— Да ужъ: вы всѣ мастера овечками прикидываться...

Долго мы вели такой пустой, какъ африканская выжженная солнцемъ пустыня, разговоръ, а я смотрѣлъ въ это время на Марью Николаевну и думалъ: «хоть бы одна черточка, одинъ штрихъ, по которому бы узнать мнѣ — умна ты или глупа?»

И вдругъ...

Какъ всегда бываетъ — простая случайность; нечаянно оброненная фраза.

— Нѣтъ, серьезно: вы меня совсѣмъ забыли!..

— Марья Николаевна! Забыть васъ? Я никогда ничего и никого не забываю.

— Ну, да... Будто бы ужъ у васъ такая хорошая память?

— У меня? Замѣчательная! Пустякъ, — но я, напримѣръ, сохраняю въ памяти все, до послѣднихъ мелочей. Да вотъ, напримѣръ: помните номеръ того извозчика, который везъ насъ въ прошломъ мѣсяцѣ изъ театра?

— Н... нѣтъ.

— Ну, вотъ, видите... А я помню: 345.

— Серьезно? Это удивительно, что вы запомнили.

— Я вамъ скажу больше, — чуть-чуть усмѣхнувшись, вскричалъ я. — Я помню всѣ, рѣшительно всѣ номера извозчиковъ, которые меня возили...

— Ну, это невѣроятно!

— Невѣроятно? А если я вамъ перечислю.

— А ну-ка: любопытно!

— Извольте: 752, 2527, 3142, 141, 258, 93, 2527, 7811, 4502, 349, 556, 1325...

— Да, да, дѣйствительно! — изумленно воскликнула Марья Николаевна. — Это прямо непостижимо...

И въ ту же минуту я, удовлетворенный, съ облегченнымъ сердцемъ подумалъ:

«Фу-фу! Наконецъ-то... Форменная дура».

И отошелъ отъ нея.

Такъ дитя, разломавъ на куски заводную игрушку и ознакомившись съ механизмомъ, равнодушно бросаетъ ее и отходить въ поискахъ новой игры.

Арк. А.

Отъ конторы журнала „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Безмѣрно растущія съ каждымъ днемъ, въ связи съ войной, цѣны на бумагу, дороговизна рабочихъ рукъ и всего матеріала по печатанію и изданію дѣлаютъ невозможнымъ изданіе журнала на прежнихъ условіяхъ. Согласно съ общимъ повышеніемъ цѣны большинства журналовъ, издательство „Новый Сатириконъ“ устанавливаетъ съ № 23 на время войны цѣну экземпляра въ розничной продажѣ — 25 коп.

Конт. журн. „Новый Сатириконъ“.

ВЕСЕННЯЯ ПРОКАТНАЯ КОНТОРА.

Не подумай, что и правда онъ очень простъ,
Что умиленными слезами тяжки его рѣсницы, —
Все это — красныя перья въ хвостъ
Обнаглѣвшей весенней птицы.

Онъ такой потому, что разбитыхъ льдовъ,
Горбовъ жемчужныхъ на плотину наперло:
Ласковъ жеребецъ, но въ страсти готовъ
Стройной кобылѣ перегрызть горло.
Въ любви неразлучны правда и ложь,
Украшайся, хитри, но добейся ласки,
Съ каждой самкой породу умножь,
А самка любитъ красныя краски.
Я сегодняшнюю ночь провелъ безъ сна
И зато интересное видѣлъ сегодня;
Вотъ такъ штуку удрала весна —
Въ шали голубой хитрая сводня.
Сняла особнякъ, прибила плакатъ,
Фирмовой знакъ — виноградъ въ кубкѣ —
— «Прокатная контора» отдаются въ прокатъ
Благородныя качества и великодушныя поступки.

Прейсъ-курантъ повѣсила на входную дверь:
Цѣна безъ запроса, товаръ безъ обману,
Птица ли, человѣкъ ли, просто ли звѣрь —
Выбирай любое, что по карману.
Я сегодняшнюю ночь провелъ безъ сна,
Клянусь, пережилъ удивительные моменты —
Въ самую точку попала весна,
И летѣли, и шли, и ползли кліенты.
Разукрасился щедро матерій фазанъ,
Обольстителю въ красотѣ нужна ли мѣра?
Фазанихи, поди, не повѣрятъ глазамъ,
Увидя такого пестраго кавалера.
Тутъ же у прилавка ползаль ужъ,
Правда, у него съ красотой — слабо,
Но чѣмъ же ужъ не любовникъ и не мужъ,
Если имѣется и ужъ — баба? ..
А вотъ и твой хитроумецъ — вотъ!
Приобрѣлъ по дешевкѣ шлемъ Донъ-Кихота,
Ты подумаешь, и вправду онъ Донъ-Кихотъ,
А ему просто до тебя добраться охота ...
О, самки прелестныя, все для васъ:
И мелкой страсти шумливый Терекъ,
И напѣвъ тропарей на четвертый гласъ,
И чудеса давно открытыхъ Америкъ.
Ну, и что же такого? Очень радъ!
Мнѣ-то что? Да ничего — ей Богу! ..
Черезъ мѣсяць кліенты придутъ назадъ,
Все обратно сдадутъ понемногу.
Соловей вернетъ за романсомъ романсъ,
Добился цѣли и теперь на попятый.
Хитроумецъ твой пойдетъ въ преферансъ
Играть къ сосѣду по одной пятой.
Зато насѣдки по гнѣздамъ сидятъ,
Волчицы тяжкое растятъ вымя,
И въ страницахъ календаря твой усталый взглядъ
Позвучнѣй выбираетъ имя.
Печаль твоя, какъ хрусталь ясна,
Но повѣришь ли кому еще ты,
Увидя, какъ положить прибыль весна
На конторскіе большіе счета.

Валентинъ Горянскій.

НЕДОНОШЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

(Изъ записной книжки.)

7.

Лолувоенный рассказъ.

Молодой поручикъ, возвращавшійся съ фронта, лежа на скамьѣ, въ вагонѣ, допрашиваетъ своего денщика.
Допросъ — семейный, хозяйственный.
— Ты гдѣ былъ, пока я спалъ?
— Въ третьемъ классѣ, ваше благородіе.

— Что ты тамъ дѣлалъ?
— Ничего. Сидѣлъ, ваше благородіе.
— Ну, хорошо. А пять рублей куда дѣлъ?
— Колбасы купилъ, ваше благородіе, потомъ вы приказали купить папирозъ, газеты, журналы ...
— Ну, хорошо. Сколько у тебя осталось?
— Одинъ рубль, ваше благородіе.
— Почему одинъ? Должно быть ... должно быть, еще 3 рубля 60 копеекъ. Гдѣ же остальное?
— Виноватъ, ваше благородіе. Истратилъ.
— На что?
— На пѣсни.
— На какія пѣсни? Книжку купилъ, пѣсенникъ?
— Никакъ нѣтъ.
— А что?
— Ничего не купилъ, ваше благородіе. Такъ, платилъ за пѣсни. Онъ всю ночь пѣлъ.
— Кто?
— Мужикъ, ваше благородіе.
— Ничего не понимаю. Расскажи толкомъ. Гдѣ? Какой мужикъ?
— Въ третьемъ классѣ, ваше благородіе. Мужикъ былъ и пѣсни пѣлъ. Очень хорошо пѣлъ. Сурьезныя пѣсни, жалостныя. А какъ не заплатишь — не желаетъ пѣть. Я и платилъ.
— Какъ же ты платилъ?
— Такъ, ваше благородіе. Десять копеекъ дашь — поетъ. Потомъ двадцать. Такъ всю ночь пѣлъ. А то скушно. Виноватъ, ваше благородіе, простите.
Поручикъ посмотрѣлъ на серьезное, немного мрачное лицо своего денщика, улыбнулся и спросилъ:
— А онъ еще тамъ? Этотъ пѣвецъ твой?
— Никакъ нѣтъ. Сошелъ. А хорошо какъ поетъ, ваше благородіе. Жалостно больно.
— А про что?
— Про все. Про всю жизнь. И про разлуку, и про любовь, значитъ, про все, какъ полагается. Сурьезно поетъ. А какъ не заплатишь — не желаетъ пѣть. За пѣсни, говорить, платить надо. Виноватъ, ваше благородіе.
— Хорошо. Ступай.

Денщикъ уходитъ, а поручикъ улыбается. Но недолго. Постепенно улыбка на его пріятномъ, немного утомленномъ и мужественномъ лицѣ исчезаетъ, и на немъ ложатся тѣни той углубленной задумчивости, которая теперь встрѣчается на лицахъ все чаще и чаще ...

Рис. Н. Р.

НОВАЯ МОДА.

— Что это вашей жены давно не видать.
— Да она тутъ тоже каждый день гуляетъ. Только подъ большой шляпой ея не видно.

8.

Тирасполь.

Это слово свѣтлымъ пятномъ стояло въ душѣ моей много лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Маня перешла во второй классъ гимназіи и въ бѣломъ платьѣ и соломенной шляпѣ съ алыми лентами уѣхала туда на лѣто, къ своей бабушкѣ.

Манѣ было тогда десять лѣтъ, а мнѣ одиннадцать.

Мой отецъ умеръ, и меня временно пріютили въ ихъ семьѣ. И вотъ когда меня хотѣли познакомить съ Маней, я испугался ея ослѣпительной, рѣзкой, необыкновенной красоты и, покраснѣвъ, убѣжалъ не подавъ даже руки Манѣ и разсмѣшивъ ея родителей...

Съ сильно бьющимся сердцемъ, дрожа отъ стыда и восторга, я нѣсколько часовъ бродилъ по саду, не рѣшаясь вернуться въ домъ.

Но потомъ вернулся и два дня любовался ею. А потомъ она уѣхала.

Передъ отъѣздомъ она попрощалась со мною, очаровательно улыбувшись и пожавъ мою руку, несмотря на то, что я такъ странно и нелѣпо отказался отъ знакомства съ нею...

Сейчасъ мнѣ трудно выразить словами — ограниченными, тѣсными словами взрослого, очерствѣвшаго человѣка — то, что творилось тогда въ душѣ одиннадцатилѣтняго мальчика, впервые потревоженнаго навожденіемъ женской красоты.

Я по цѣлымъ днямъ думалъ только о ней, представлялъ себѣ ея лицо, глаза, улыбку и нѣжное смуглое колѣно въ сиреневой, дѣтской подвязкѣ, обнажившееся однажды, когда Маня взбиралась на стулъ.

Лучшимъ моимъ удовольствіемъ было слушать разговоры о ней ея родныхъ, а когда о ней не говорили, я самъ старался наводить на нее разговоръ и однажды разсмѣшилъ всѣхъ, выпаливъ за обѣдомъ ни къ селу, ни къ городу:

— А что сейчасъ дѣлаетъ въ Тирасполѣ Маня?

Вѣроятно, разсмѣшилъ не вопросъ мой, а тонъ и та стремительность, которая была въ немъ.

И, въ общемъ, всѣ мои мысли были устремлены къ Манѣ и тому свѣтлому и прекрасному, что было тогда связано съ ней и называлось страннымъ словомъ «Тирасполь».

* * *

Къ концу лѣта, но до возвращенія Мани, меня увезли. Увезли въ далекій городъ, и тамъ потянулась моя жизнь, какъ суждено было ей тянуться.

Прошло нѣсколько лѣтъ, а потомъ еще нѣсколько и еще нѣсколько.

Образъ Мани постепенно вытравился изъ моей души. А когда я недавно встрѣтилъ ее — серьезную, умную, гордую, хорошую, читающую «Русскія Вѣдомости» и кончающую медицинскіе курсы — былой дѣтскій восторгъ окончательно смѣнился уваженіемъ взрослого человѣка.

Но о Тирасполѣ я забылъ, и это слово продолжало жить во мнѣ, окруженное тѣмъ безсознательно-радостнымъ и прекраснымъ, что было въ изобиліи въ моей душѣ раньше и чего такъ мало теперь.

Я никогда не думалъ объ этомъ городкѣ, не старался понять и вспомнить, почему гдѣ-то во мнѣ вмѣстѣ съ этимъ словомъ связана забытая радость.

И когда я неожиданно, спѣшно, по дѣлу, пріѣхалъ въ этотъ городокъ и вдругъ отчетливо вспомнилъ, что никого у меня здѣсь нѣтъ, то стало больно и жалко...

17 лѣтъ жилъ въ душѣ забытый радостный уголокъ, и вдругъ оказалось, что это звукъ пустой...

Тирасполь!..

Чужой, обыкновенный, провинціальныи, скучный городишко...

Какъ жаль...

Зачѣмъ я поѣхалъ въ Тирасполь?..

Ефимъ Зозуля.

Рис. Миссъ.

РУССКАЯ.

(Плясовая.)

Надъ деревней сизый курится дымокъ,
За деревней аль-альетъ вечерокъ,
По деревнѣ пролетаетъ вѣтерокъ...

По деревнѣ пролетаетъ вѣтерокъ...
Собралися парни, дѣвушки, въ кружокъ:
Вотъ выходитъ въ кругъ удалый пастушокъ...

Вотъ выходитъ въ кругъ удалый пастушокъ,
Онъ заводитъ свой разгулистый рожокъ...
Свистнулъ-гаркнулъ русскій парень-плясунокъ...

Свистнулъ-гаркнулъ русскій парень-плясунокъ:
Шапку наземь, руки кольчикомъ въ бочокъ,
Завертѣлся, закрутился, какъ волчокъ...

Завертѣлся, закрутился, какъ волчокъ...
Поднимаетъ алый дѣвушка платокъ,
Выплываетъ, какъ лебедушка, въ кружокъ...

Выплываетъ, какъ лебедушка, въ кружокъ, —
Выбиваетъ дробь живую каблучокъ...
Замираетъ перелетный вѣтерокъ...

Филаретъ Черновъ.

ПОКУПКА.

Поэтъ взглянулъ на часы. Уже семь минутъ знакомъ онъ съ той дѣвушкой, а еще не сказалъ ей ни слова.

Два музыканта жадно смотрятъ въ глаза дѣвушки и мелютъ весенній вздоръ. А она слушаетъ ихъ съ улыбкой и кокетливо щурится на солнце. На поэта она не обращаетъ вниманія.

«Чѣмъ бы ее взять? Сразу... — думаетъ поэтъ. — Говорить не хочется. Хорошо бы съѣсть вдвоемъ съ ней гдѣ-нибудь въ скверѣ и помолчать. Прелестная дѣвушка! Люблю съ такими молчать... Съ молодыми дѣвушками не о чемъ говорить. Говорить пріятно съ женщинами...»

Поэтъ оглядывается и видитъ старика-нищаго. Нищій медленно, нерѣшительно подходитъ къ нему. Снимаетъ трясущейся рукой шапку. Глаза у него воспалены, слезятся...

Одинъ изъ музыкантовъ даетъ нищему три копейки. Тотъ кланяется, бормочетъ...

Поэтъ быстро вынимаетъ кошелекъ, беретъ изъ него двадцатикопеечную марку и подаетъ нищему.

— Щедро!.. — говоритъ съ улыбкой музыкантъ.

— А что, мало? — спрашиваетъ поэтъ. — Старикъ, возьми еще! — даетъ вторую марку въ двадцать копеекъ. — Впрочемъ возьми и это! — протягиваетъ серебрянный двугривенный.

— Шестидесятъ копеекъ?! — съ удивленіемъ спрашиваетъ другой музыкантъ.

— Да, надо было бы дать сразу рубль, — отвѣчаетъ поэтъ и подаетъ нищему еще сорокъ копеекъ.

— Рубль нищему! Это по-ротшильдовски... — говоритъ первый музыкантъ.

— Нѣтъ, это всего только двѣ строки моихъ стиховъ. Я теперь вижу, что мало далъ. Отецъ, вотъ еще! — Поэтъ протянулъ нищему четыре рублевыхъ бумажки. — Ну, вотъ, теперь я подарилъ бѣдному старику стихотвореніе изъ десяти строкъ.

Дѣвушка съ удивленіемъ смотритъ на поэта и спрашиваетъ:

— Почему стихотвореніе?..

— Я поэтъ. Мнѣ платятъ полтинникъ за строку...

Дѣвушка смѣется и говоритъ:

— Какъ это оригинально!..

И смотритъ ласково на поэта.

А поэтъ молчитъ и думаетъ:

«Рѣшительно ничего тутъ нѣтъ оригинальнаго. Просто я купилъ твое вниманіе за пять рублей...»

Черезъ нѣсколько минутъ поэтъ и дѣвушка сидятъ въ скверѣ. Онъ молчитъ, а она рассказываетъ ему свою жизнь. Глаза ея блестятъ...

В. Черній.

Ч Е Р Е З Ъ Т Р И С Т А Л Ъ Т Ъ .

Патріотизмъ раньше: истинно-русскій все отдавалъ Минину и Пожарскому.

Патріотизмъ теперь: истинно-русскій спокойно читаетъ газетку „Мининъ“ и уничтожаетъ Пожарскія котлеты...

В Ъ С И Л У Н Е О Б Х О Д И М О С Т И .

Исполняю пожеланіе администраціи: развела куръ, свиней и даже огородъ устроила, только, чтобы свиньи не достали — пришлось устроить его на шляпѣ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Рис. Ре-ми.

Сотрудникъ „Нов. Времени“ г. Егоровъ дѣлится (и зачѣмъ дѣлится? оставилъ бы себѣ все цѣликомъ...) своими впечатлѣніями полета на аэропланѣ:

Мы круто взмыли кверху. Върнѣе, не мы, а я. Не машина летала и несла меня, а леталъ я. Я самъ, старый, грузный и робкій. Куда я полечу дальше!? Зачѣмъ? Развѣ я птица? И если птица, то какая?

Доподлинно мы не можемъ отвѣтить г. Егорову — какая онъ птица.

Но во всякомъ случаѣ, г. Егоровъ не велика птица.

Поэтъ изъ журнала „Осколки“ старается игривостью искупить нѣкоторые дефекты стиля:

*Твои маленькія ножки
Не дають нигдѣ оплошки,
И обычный ихъ „режимъ“ —
Подъ столомъ творить „нажимъ“.
Какъ на сценѣ ты танцуешь —
Ножки чуть не въ носъ намъ суешь...*

Увы — поэтъ далъ оплошку: „танцуешь“ и „суешь“ — рима не важная.

Конечно, Пегасъ — непремѣнная принадлежность поэта. Но самъ по себѣ Пегасъ не долженъ дѣлать попытки къ сочиненію стиховъ. И редакция не должна принимать ихъ у Пегаса.

Все-таки, неловко: лошадь.

„Синій Журналъ“ ошеломляетъ читателя такимъ удивительнымъ свѣдѣніемъ:

— Чиновникъ Антонъ Васильевичъ Волковской женился на своей дальней родственницѣ... Антонинѣ Васильевнѣ Волковской. Шаферами у него были два Антона, а посаженнымъ отцомъ Волковъ.

Приведенное сообщеніе журналъ комментируетъ тонко и остроумно:

Остается только „молодымъ“ всю жизнь вѣть волками...

Это и будетъ, если они сдѣлаются подписчиками „Синяго Журнала“.

Редакторъ „Новаго Сатирикона“ принимаетъ по средамъ отъ 3 до 5 часовъ дня въ помѣщеніи редакціи (Невскій пр., 88).

Секретарь редакціи — по средамъ и субботамъ отъ 3 до 5 часовъ дня.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Смѣлянскому. — И пишетъ Смѣлянскій такъ:

„Отъ ужаса волосы его стали на дыбы?“

Какъ говорить пословица: волосы не лошадь, Смѣлянскій не писатель.

К. К. К. — Глубокомысленный вопросъ:

„... Вопросительный знакъ напоминаетъ собой штопоръ. Не потому ли разрѣшеніе вина въ Россіи находится подъ вопросомъ?“

Восклицательный знакъ, по нашему мнѣнію, напоминаетъ собою кій. Не потому ли — спросимъ мы, — когда плохого игрока на биллиардѣ бьютъ кіемъ — игрокъ восклицаетъ.

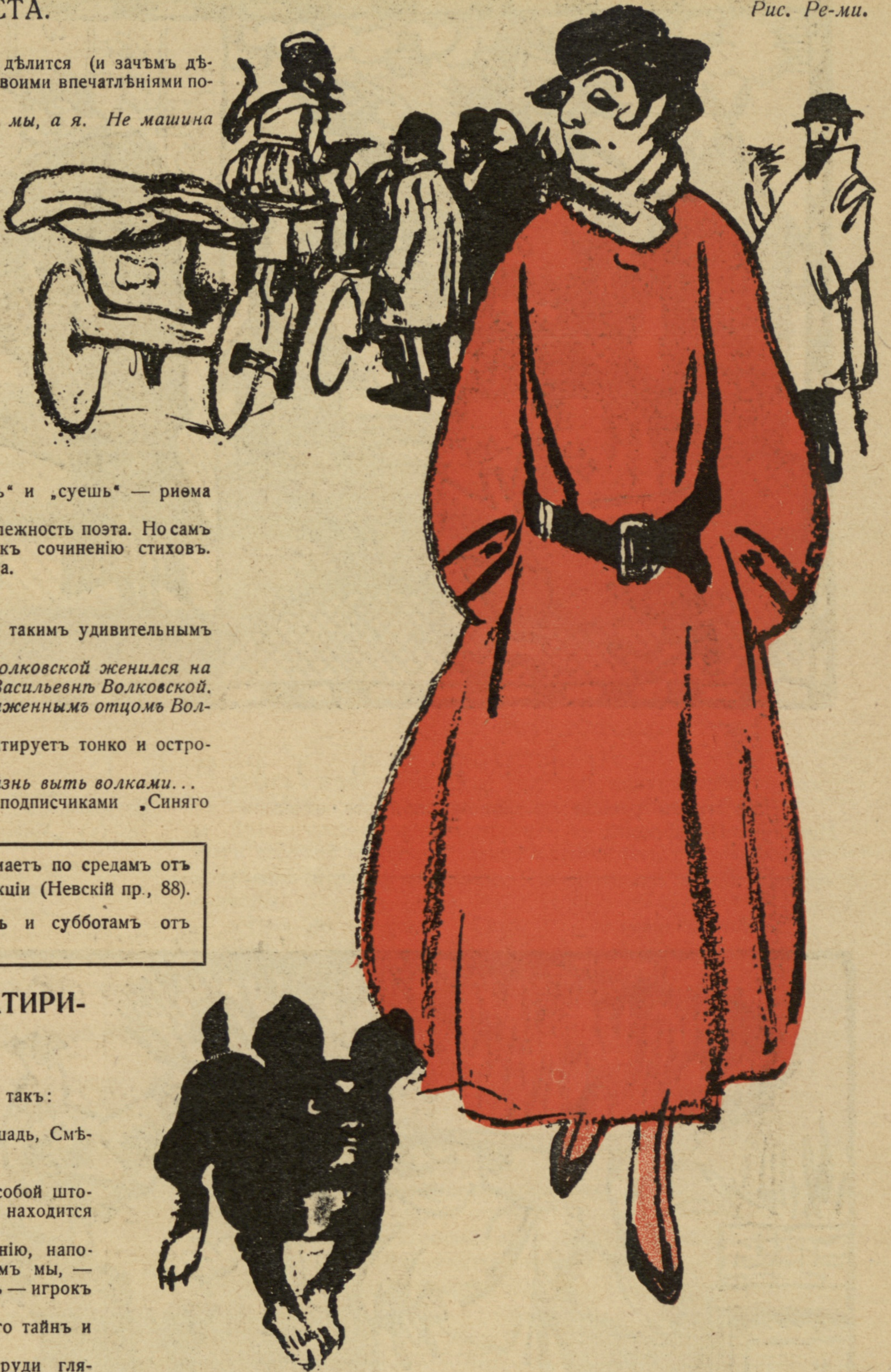
Жизнь сложна и хранить въ себѣ много тайнъ и вопросовъ. Прощайте.

Демидургу. — „... Ея смуглыя юныя груди глянули на меня строго и какъ-то укоризненно.“

Что, молъ, глупости пишешь?

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ВЕСЕННІЯ БОЛѢЗНИ.

— Когда я проходила мимо него, онъ кашлянулъ. О, если бы знать навѣрное: бронхитъ это или начало влеченія ко мнѣ

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

4-й годъ изданія. на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА 4-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

Перемѣна адреса.

Контора журн. „Новаго Сатирикона“ взимаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп. и проситъ прилагать старый адресъ.

Г-ВО

ТРЕУГОЛЬНИКЪ

изготавливаетъ
для нуждъ ла-
заретовъ и боль-
ницъ всь необ-
ходимыя хирур-
гическія и др. из-
дѣлія изъ резины,
эбонита, проре-
зиновой ма-
теріи и проч.

Петроградъ
Екатерин. кан. 34

УТОПАЮЩІЙ ХВАТАЕТСЯ ЗА СОЛОМИНКУ.

— Онъ опоздалъ почти на часъ!.. Впрочемъ, не перевель-ли онъ свои часы на одинъ часъ, какъ это принято теперь въ Западной Европѣ?..